

ИТАЛИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ СЛАВИСТОВ XIX ВЕКА

© 2019 г. Стефано Алоэ

PhDr., профессор славистики Университета Вероны

E-mail: stefano.aloe@univr.it

Изучение Италии не относилось к первоочередным задачам славистики XIX в.: молодой в ту пору научной дисциплине хватало более насущных тем и вопросов. Но уже первое поколение славистов осознало потенциальное значение Италии для исследований, а второе и третье поколения стали уделять все большее внимание некоторым особенностям истории и культуры полуострова. В статье рассматриваются основные причины этого интереса и наиболее показательные эпизоды из истории славистики XIX в., связанные с Италией.

In the first half of the nineteenth century, in the newborn Slavic studies, a plenty of issues were on the table, raising a large number of basic questions. Italy, in its connections with the Slavic world, did not seem to represent a major topic of research. Nevertheless, the first generation of Slavist scholars soon realised the potential significance of Italy in the discipline, and the second and third generation already devoted more attention to the relationships between Slavic and Italian history and culture. This article examines the main reasons behind this commitment and some paradigmatic episodes in the nineteenth century history of Slavistics connected to Italy.

Ключевые слова: История славистики XIX в., славяне и Италия, славистические командировки, Копитар, Срезневский, Макушев, Бодуэн де Куртене.

Keywords: History of Slavistics in the nineteenth century, Slavs and Italy, Slavistic journeys, Kopitar, Sreznevsky, Makushev, Baudoin de Courtenay.

DOI: 10.31857/S0869544X0004726-1

Жители славянских селений в южной
Италии (Аквививы и Сантофеличе)
на вопрос наш: «Как обращаются
с ними италианы», отвечали:
“Власи су добра челедь” [1. С. 84].

Италия, которой не было

Рассуждая о значении Италии для первых поколений славистов нужно взглянуть на ситуацию их глазами. Тогда очевидным станет факт, что мы говорим о том, чего в то время не было. Италия на карте Европы до 1861 г. не

существовала. Но было бы ошибкой считать, что отсутствие такого государства помешало славистам составить представление об Италии: необходимо различать Италию — геополитический субъект, сформировавшийся в результате волны национальных войн, и Италию как историко-геокультурный ареал [2]. Европейские путешественники XVIII и XIX вв., в том числе и слависты, планируя в своих маршрутах посещение Милана, Венеции, Флоренции, Рима, Неаполя, неизменно воспринимали эти города как «итальянские», не придавая особенного значения их принадлежности разным государствам. Политическая раздробленность Апеннинского полуострова никогда не мешала воспринимать его — извне и изнутри — как целостность, в основе которой — культура, искусство, развитый литературный язык, способный объединять жителей всех областей, несмотря на сложную мозаику говоров и диалектов. Престиж итальянского языка и связанных с ним культуры и искусства мог веками оставаться неизменным. Влияние итальянского языка и культуры обнаруживалось и за пределами полуострова, ареалом их распространения были земли Восточной Адриатики, долго входившие в состав Венецианской республики.

Исследуя представления славистов XIX в. об Италии, необходимо учитывать, что она для них — не политическое понятие, а страна в неопределенно-идеальном смысле, не имеющая четких границ. В то же время отдельные государства (Ватикан, Венецианская республика, существовавшая до 1797 г., Неаполитанское королевство и др.) могли особо интересовать славистов. Важно отметить, что значительная часть территорий, которые для них ассоциировались с итальянским языком и культурой, одновременно входила и в другое понятие негосударственного плана — «славянский мир»: это Далмация, Истрия, часть Фриули с Резьянской долиной, Котор.

Тема Италии в представлениях славистов переплетается с другим лейтмотивом истории славистики — диалектикой империй и наций [3–6]. Именно геополитическая система империй, пережившая свою последнюю и самую бурную фазу в период, который начинается поражением Наполеона и завершается Первой мировой войной, была мерилем представлений об Италии и о славянском мире для первых поколений славистов. С одной стороны, в рамках империй ни Италия, ни славянский мир не имели политического статуса. С другой стороны, формирование национальных движений, подрывавших изнутри империи, не могло не привести к ангажированности славистики, для которой тогдашний культурно-языковой атлас Европы смещался из нейтральной области академических интересов в плоскость идеологии. Влияние конкурирующих концепций славянского единства — австрославизма, панславизма, иллиризма — самое яркое проявление этой тенденции развития славистики XIX в.

С позиции национализма политическое объединение субъектов, характеризующихся яркой историко-культурной идентичностью, в частности Италии, воспринималось как «историческая судьба». В этой логике часть славянского мира симпатизировала итальянским патриотам (известно обоюдное притяжение итальянцев и поляков в период Рисорджименто). Одновременно по той же причине идея итальянской нации находилась в противоречии с объединительными усилиями славян на землях Восточной Адриатики, где исторически встречаются и смешиваются южнославянские и венециано-итальянская цивилизации.

Оперируя категориями нашего времени, мы не вправе требовать от славистов XIX в. однозначных оценок: Венецию они могут считать не только итальянским городом, центром недавно исчезнувшей морской республики, бывшей многонациональной (в том числе и славянской) столицей, но

и периферийным центром Австрийской империи. Иные города сегодняшней Италии могли представляться тогдашним славистам чисто австрийскими (например Гориция), а присутствие в них итальянского населения менее значимым, чем, например, в Задаре или Дубровнике, лучше сохранивших черты итальянской культуры и венецианского наследия.

Первые слависты (Я. Потоцкий, Й. Добровский, Е. Копитар) называют резьянцев «венецианскими» или «фриульскими» славянами¹, что для того времени справедливо и логично, но уже в 1841 г. И.И. Срезневский помещает их «в Венецианской Италии на границах Краинских» [9. S. 129]. Процесс заселения территорий в донациональный период был намного сложнее того, что в дальнейшем стремился представить каждый национализм, стирая по возможности следы присутствия «конкурентов» в прошлом и настоящем многих европейских городов.

В зависимости от внутренней и внешней политики каждого из государств, между которыми был поделен Апеннинский полуостров до объединения Италии, условия для формирования славистики различались, но в целом были неблагоприятными. Малое количество славянского населения в географических пределах полуострова, отсутствие у итальянцев стратегических интересов в славянских землях, недостаточно развитые дипломатические и коммерческие связи с Россией обусловили безразличие итальянского общества к славянам, незаинтересованность государственных органов и научно-просветительских институций в развитии славяноведения.

В представлении самих итальянцев Италия включалась в Европу в первую очередь благодаря своему античному и ренессансному прошлому, тогда как славянский мир из нее исключался или воспринимался в европейском контексте как второстепенное культурно-историческое явление. В отношении России итальянские патриоты разделяли мнения и предрассудки большинства западноевропейцев, видя в ней полуазиатскую империю насилия, несвободы и бескультурия [10; 11. P. 131–132]. Главным ориентиром для итальянских интеллектуалов была Франция, которая тоже отставала от германских государств в развитии славистики [12. P. 106–121]. Филологические исследования, проводимые в Вене, Праге, Бреслау, почти не получали отклика в Италии, где знанием немецкого языка могли похвастать лишь немногие. Таким образом, в Италии не только отсутствовали условия для становления славистики, но и на индивидуальном уровне культурные связи с представителями славянского мира являлись редкими и эпизодическими [13].

Более благоприятной была обстановка на итальянских территориях, входивших в состав Габсбургской империи. Влияние германской науки, культурные связи с университетами и просветительскими институциями Центральной Европы, подданство монархии, для которой славянский вопрос являлся стратегически важным – все эти факторы обеспечивали контакты со славянским миром. Неудивительно поэтому, что итальянские культурные центры, интересовавшиеся отдельными вопросами истории и культуры славян, находились в пределах Австрийской империи: это Милан, Тренто, Венеция, Задар,

¹ Ср., например, у Копитара: «eine karentanische Pfarre in einem Thale des venetianischen Friauls» («карантанский приход в одной долине венецианского Фриули») [7. S. 177] и у Я. Бодуэна де Куртенэ: «morato zabeležiti razloček mej beneškimi Slovani, ki stoje blizu Furlanov, in timi, ki so oddaljeni od Furlanov» («надо отметить разницу между венецианскими славянами, которые живут рядом с фриульцами, и славянами, которые от них далеки») [8. S. 346].

Дубровник. Разумеется, обстановка в городах Паданской равнины, таких, как Милан или Венеция, существенно отличалась от ситуации в исторически смешанных краях, таких, как Фриули, Триест, Истрия, Далмация. Если в Милане и «Ломбардо-Венецианском королевстве» германизация была заметна только на уровне государственной администрации, то на землях Восточной Адриатики, на границе Фриули и Словении немецкое и итальянское культурные влияния активно соперничали.

Вне Габсбургской монархии следует выделить Ватикан – единственное государство Апеннинского полуострова, имеющее в силу древней традиции стратегические связи со славянским миром.

Таким образом, неудивительно, что Италия с опозданием открыла себе славистику. Тем не менее, почти без участия итальянских ученых международная славистика «открыла» для себя Италию рано.

Итало-славянские связи до XIX в.

Дипломатические и торговые связи итальянских государств со славянским миром носили интенсивный характер со времен Средневековья. Даже не говоря о неоспоримом значении миссии Кирилла и Мефодия (в дальнейшем она станет одной из любимых «итальянских» тем славистики), нельзя не заметить, что территориальное расширение Венецианской республики происходило главным образом на далматинском побережье, оказывая непосредственное воздействие на жизнь южнославянских народов. Еще более тесными были дипломатические связи Ватикана, постоянно включавшего в сферу своих интересов весь славянский ареал, а с XVI в. сосредоточившего усилия на православных славянах. Разнообразные связи, преимущественно торговые, развивали со славянским миром Неаполитанское королевство и Генуэзская республика. Не будет лишним упомянуть культурные и научно-филологические контакты итальянских и славянских гуманистов [14], землячества славянских студентов в Болонском, Падуанском и других университетах Италии. Документальные свидетельства этих контактов отложились в итальянских архивах и библиотеках, привлекая внимание славистов. Особой сферой интересов филологов стал поиск древних рукописей и раритетных изданий в книгохранилищах Италии. То же можно сказать о продукции славянских типографий, веками существовавших в Венеции [15. Р. 61–78].

Следует отметить важнейшую роль итальянских эрудитов в развитии классической и восточной филологии. Едва ли не первые филологические описания древнеславянских памятников были сделаны в пределах итальянского культурного ареала задолго до становления славистики: древнейшее глаголическое Евангелие, купленное И. Ассемани в Иерусалиме в 1736 г. и отправленное в Рим, впервые описано далматинским архиепископом М. Караманом в 1753 г. вместе с другими ватиканскими глаголическими кодексами [16]. «Болонская псалтырь» получила свое первое описание и была частично опубликована уже в 1746 г. благодаря трудам кардинала Н.-М. Антонелли, став одной из наиболее известных славянских рукописей [17. Р. XVII–XXI].

Основой развития итальянской славистики стала не только компетентность в вопросах филологии и палеографии ученого католического духовенства, но и внимание исследователей к истории и этногенезу славян. Сочинения М. Орбини и Ю. Крижанича являются базовыми для идей славянского единства [18; 19], тогда как М. Карамана, Н.-М. Антонелли, М. Совича [20] и некоторых других священников-филологов, большей частью далматинского происхождения, можно считать пионерами славянской палеографии и филологии.

Исследования в области библеистики давали им драгоценный опыт для изучения глаголических и кириллических рукописей; именно из библеистики пришел в славистику Й. Добровский [21. Р. 77–78].

Славистика в современном ее понимании сложилась в Италии в 20-е годы XX в.: в 1910 г. Ватрослав Ягич с полным основанием утверждал, что «Италия пока еще совсем игнорирует славянский мир» [22. С. 880]. Однако было бы неверно отрицать наличие в итальянских филологических традициях плодородной почвы для развития славистики уже на самых ранних этапах ее существования, что первым заметил Ерней Копитар и доказал впоследствии историк итальянской славистики Серджо Бонацца [21; 23; 24 и др.]. Проводя свои исследования в Италии, Копитар активно сотрудничал с выдающимися филологами (см. [25]): это представитель классической филологии о. Анджело Май и миланский востоковед Карло-Оттавио Кастильони. Кастильони внес большой вклад в развитие славянской филологии и оказал ценную помощь Копитару в подготовке первого издания принадлежавшей трентинскому графу П. Клоцу рукописи «Глаголита Клоцианус», глубоко изученной обоими филологами [23. S. 184; 26]. Исследуя рукопись еще до того, как она попала в руки Копитара, Кастильони пришел к выводу, что с ее помощью можно доказать более раннее возникновение глаголицы по сравнению с кириллицей [27. Р. 264].

Передовой для своего времени научный подход Кастильони и Мая, хорошо знакомых с достижениями германских ученых, был скорее исключением для итальянской филологии. «Миланские успехи» славистики явились результатом сотрудничества Кастильони и Копитара. Это можно проиллюстрировать, сопоставив вывод Кастильони о древности глаголицы с лишь на первый взгляд тождественными суждениями его итальянских современников. В связи с долго бытующей легендарной атрибуцией глаголицы св. Иерониму ее происхождение было изучено и эрудитом о. Ф.-М. Аппендини, занимавшимся в Рагузе (Дубровнике) историей и языком «иллирических» славян. По мнению Аппендини, глаголица была старше не только кириллицы, но и самого св. Иеронима, поскольку «была алфавитом древних фракийцев-фригийцев» [23. S. 153].

Кастильони и Аппендини разошлись не только в выводах, но и, прежде всего, в методе. Аппендини, представитель традиционной донаучной филологии, сопоставлял большое количество разнообразной литературы и разрешал возникающие вопросы эвристическим путем, опираясь в стремлении найти подтверждение своим гипотезам на интуицию. Кастильони же критически оценивал источники, анализируя и сравнивая разные аспекты рукописей, приводя убедительные аргументы для выводов.

Как Кастильони, так и другие выдающиеся итальянские лингвисты (Г.-И. Асколи, Б. Бионделли и Э. Теза) изучали славянские языки, интересовались отдельными проблемами славистики, но этот интерес отражен в большей степени в их переписке с зарубежными филологами (например с Копитаром, Миклошичем, Шафариком [28–31]), чем в изданных трудах. Итальянская филология XIX в. не была готова к развитию славистических исследований. Тем большую ценность имеет прозорливость Е. Копитара и И.И. Срезневского, которым в прямом и косвенном смысле принадлежит славистическое «открытие» Италии.

Итальянская стратегия Ернея Копитара

Австрославизм Е. (Б.) Копитара – одна из причин его интереса к Италии. Переписка словенского филолога с библиотекарем иезуитского Collegium Romanum Джампьетро Секки и другими представителями ватиканской

интеллигенции дает представление о его концепции славянского единства, предполагающей гармоничное участие каждого славянского племени в жизни Габсбургской монархии с сохранением языковых и культурных отличий и при сочетании трех объединительных начал — политического (империя), религиозного (католицизм) и лингво-этнического (славянство) (ср. [32. S. 164; 33]). Копитар опасался подхода, доминировавшего в царской России по отношению к славянским народам, в соответствии с которым центральное место отводилось русским. Ученый считал подобную модель объединения славян неприемлемой. Еще яростнее звучали нападки Копитара на православие и чешские симпатии к гуситскому протестантизму [23. S. 227–299]. В его концепцию строительства славянского единства в границах Габсбургской монархии Италия была включена по ряду причин:

— Австрийская империя получила в результате поражения Наполеона и по решению Венского конгресса территории Венецианской и Рагузанской Республик — в том числе все восточноадриатическое побережье со смешанным славяно-итальянским населением;

— рост националистических настроений представлял угрозу для внутренней стабильности монархии, способствуя постепенному нарастанию сопротивления властям италоязычного и славяноязычного населения Фриули, Далмации и Истрии, что вызывало разрушение специфического культурного уклада и ослабление юго-западной границы Австрийской империи;

— признание многонациональности и культурно-языкового разнообразия регионов Австрийской империи было не только единственной гарантией ее внутренней стабильности, но и предпосылкой для разработки новой модели гармоничного сосуществования множества народов и языков в едином политическом пространстве. Противоположной моделью для Копитара служила Россия, чуждая всякой федерализации и воплощающая в себе опасное смешение империи старого типа и нового национализма титульного народа;

— Италия входила в планы Копитара в силу традиционного стремления к объединению усилий светской (монархической) и духовной (папской) властей, что, по его мнению, стало бы опорой европейской цивилизации. Вершителями судеб славянского мира Копитар видел Вену и Рим.

Таким образом, Италии отводилось важное место в деятельности Копитара, направленной на подчинение славистики идеалам австрославизма. Основные итальянские контрагенты библиотекаря Венской императорской библиотеки находились в городах империи (Милан, Венеция, Тренто, Дубровник) и Папского государства (Рим и Болонья). В Милане Копитар связался, как уже было сказано, с Кастильони и Маем, в Венеции с директором Библиотеки св. Марка П. Беттио, в Тренто с графом П. Клоцом, в Рагузе с Ф.-М. Аппендини. Тесные контакты словенский филолог наладил с Римом, который посетил дважды — в 1837 г. (с остановкой в Болонье) и в 1842–1843 гг. [34; 23. S. 79–80]. Его вторая поездка в Рим могла стать эпохальным событием для итальянской славистики, так как была связана с тайным проектом создания Конгрегацией пропаганды веры первой в Италии кафедры старославянского языка в Collegium Romanum [23. S. 75–93, 249], но проект не увенчался успехом: через полгода Копитар, остававшийся в Риме с конца октября 1842 г. до начала мая 1843 г., вернулся в Вену, снова заняв свой пост. Этот эпизод многое говорит о тогдашних перспективах развития славистики Ватикана. Римское окружение Копитара уже в то время было представлено

специалистами, если не в полном смысле славистами, то знатоками славянских языков и истории, такими, как Дж.-Г. Меццофанги, перебравшийся из Милана в Рим А. Май, немецкий историк А. Тейнер и др. Напомним, что в начале 1820-х годов в ватиканских архивах работал еще один пионер славистики, М.К. Бобровский. Вслед за Копитаром слависты все чаще будут посещать ватиканские библиотеки – вскоре там начнут работать филологи Ф. Рачки, И. Ткалац, И. Чрнчич и многие другие.

Усилия Копитара по созданию в Риме кафедры старославянского языка только косвенно связаны с филологией. На первый план, особенно во время своего второго пребывания в Вечном городе, он ставил стратегические вопросы славянского католичества: проблемы греко-католиков в Российской империи, стремление поляков к независимости, положение украинцев и «рутеннов», южная граница между католицизмом и православием на Балканах. Копитар действовал в русле ватиканской политики, направленной на поощрение просветительских инициатив в среде католических меньшинств в некатолических странах².

Большое значение имели связи Копитара с Ф.-М. Аппендини, продолжавшиеся с 1811 по 1834 г. Итальянский эрудит, избравший Рагузу для своей педагогической и научной деятельности, был связующим звеном между итальянской и славянской культурами Восточной Адриатики. Еще в юности Копитар указывал Аппендини на его серьезные ошибки в изучении истории славян и их древнего языка, надеясь превратить монаха в квалифицированного слависта. Для этого нужно было связать его с германскими филологами и настоять на овладении немецким языком. «*Il serait bien à souhaiter que vous puissiez prendre notice des recherches des savants Allemands sur l'objet que vous occupe. [...] quiconque veut approfondir la langue slave, doit indispensablement étudier l'allemand aussi*» («Было бы очень желательно, чтобы вы могли осведомляться об исследованиях немецких ученых над предметом, которым вы занимаетесь. [...] Всякий желающий углубиться в знаниях славянского языка обязательно должен изучать так же и немецкий язык»), – писал Копитар Аппендини в 1811 г.». [23. S. 120]. Попытки оказались неудачными – Аппендини немецкий язык не выучил и всю жизнь придерживался своих во многом антинаучных теорий³, подвергаясь резкой критике со стороны Добровского и насмешкам В. Ягича по поводу «нелепостей» и «диких этимологий».

Своим «диким этимологиям» он остался верен до конца жизни. Копитар сообщал в 1823 г. Добровскому о пребывании Аппендини в Вене в течение нескольких месяцев, дав ему верную характеристику: полный доброй воли, но без (знания) немецкого языка и литературы [22. С. 183].

Славистические Italianische Reisen

Итальянские поездки Копитара показали другим славистам широкие перспективы работы в архивах и библиотеках полуострова, но первопроходцем Копитар не был. Догадки, что в Италии благодатная почва для славистических исследований, возникли еще в конце XVIII в. у Добровского и Потоцкого.

² Например, в 1838 г. А. Май, в публичном выступлении призывал издавать больше «восточно-христианских сочинений» из коллекций римских библиотек, не забывая и о славянских текстах (Diario di Roma. 1838. № 44. 2 giu. P. 1–2).

³ «Schade, dass der Ragusaner Piariste nicht Deutsch kann, und folglich in der Slavischen Geschichte um 50 Jahre zurück ist» («Жаль, что рагузинский пиарист не знает немецкого, и следовательно, отстал на 50 лет в славянской истории»), – сетовал позже Копитар, обращаясь к Добровскому [23. S. 19].

Путешествие Добровского в 1794 г. было случайным и не имело строго научной цели, однако он смог изучать славянские рукописи в библиотеке св. Марка в Венеции и посетил греческую типографию [22. С. 114]. Серьезных следов это путешествие в творчестве Добровского не оставило, а его переписка с итальянскими филологами относится к дославистической деятельности библеиста.

Большее значение для истории славистики имело посещение графом Поттоком Резьянской долины в 1790 или 1791 г. Польский эрудит был первым славянским ученым, который обратил внимание на Резью, но его ценные заметки о населении и диалекте долины были опубликованы только посмертно в 1816 г. по инициативе Копитара [7. S. 176–180; 34. S. 569–570].

По всей вероятности, первым командированным в научное «славистическое путешествие» был молодой униатский священник и профессор Виленского университета М. К. Бобровский. Инициатива его долгого путешествия 1817–1822 гг. принадлежала А. Чарторыскому, обеспечившему Бобровскому университетскую стипендию «с поручением ознакомиться с состоянием богословского образования в Европе, усовершенствовать себя в знании восточных языков, как необходимого пособия для преподавания библейской археологии, специально заняться археологией и герменевтикой, а ввиду основательного его знакомства с церковнославянским языком — ознакомиться со славянскими наречиями и состоянием славянских литератур» [35. С. 120]. Бобровский побывал в разных землях Габсбургской империи и во многих городах Апеннинского полуострова (Венеции, Падуе, Триесте, Ровиго, Милане, Турине, Ферраре, Равенне, Болонье, Флоренции, Риме, Неаполе) и в италоязычных городах Далмации (Сплите, Задаре, Дубровнике, где он познакомился с Аппендини) [36. S. 17–20; 37. С. 85–89]. Молодой ученый работал в Италии с большой отдачей. В итальянских архивах обнаружилось множество ценных материалов в области не только арабистики и библеистики, но и славистики. В Риме Бобровский активно сотрудничал с Маем: он, «составив ученый каталог древнейшим славянским рукописям и старопечатным книгам Ватиканской библиотеки (“Codices Slavici”), отдал его Май для помещения в его сборнике “Nova collectio veterum” 1830 г.» [35. С. 121].

Значение итальянских исследований Бобровского недооценено. Достоинно внимания то, что Италия не осталась на периферии его ученого путешествия, а опыт Бобровского послужил примером для других славистов: с ним поддерживали тесные контакты Копитар, Кеппен, Востоков, получая ценную информацию о богатых славистических собраниях итальянских библиотек.

В российских университетах «славистические путешествия» молодых ученых во второй половине 1830-х годов превратились в обычную практику. Образцом стало путешествие Осипа Бодянского, план которого, как отметил Ягич, «послужил даже своего рода подлинником или канвой для будущих таких же случаев» [22. С. 314]. Поначалу эти планы были малореалистичны, сочетая огромное количество задач, не всегда четко сформулированных и не только научного характера. Отчасти это оправдывает иронию Кочубинского и Ягича, мишенью которых стал сам Бодянский [22. С. 314–315]⁴.

Сама же идея славистических «командировок», получив определенную корректировку, вскоре приобрела логическую стройность и законченность. Более того, эти путешествия стали вехой в истории славистики и позволили

⁴ Главное обвинение Ягича — подобные планы превращали «кандидата славянской филологии в туриста» [22. С. 342].

Императорской академии наук добиться существенных результатов. Значительно вырос уровень российских филологов, развивались их международные связи, не говоря уже об открытиях, приобретении редких текстов и т.п. [38]. По своему несколько авантюрному духу путешествия первых славистов сопоставимы с африканскими или азиатскими экспедициями того времени, сочетая научные цели и влечение к неизведанному, экзотику и патриотизм, часто переходящий в выполнение государственной миссии, вмешательство во внутренние дела других стран и проповедь панславизма, чреватые подозрением в шпионаже⁵.

Говоря о плане путешествия Бодянского, утвержденном в 1837 г. временно исполняющим обязанности управляющего Министерством народного просвещения Н.А. Протасовым⁶, при всей «фантастичности» маршрута (в итоге не осуществленного), для нас имеет значение то, что через Хорватию и Триест планировался приезд «в Венецию, Милан, Геную, Болонью и Рим. В итальянских городах предписывалось изучение славянских рукописей, в Генуе также бывших когда-то сношений с Крымом – и на все это в то время, когда еще не было железных дорог, назначался двухмесячный срок!» [22. С. 315].

Планировалось также проехать по Далмации, посетив в Дубровнике аббата Аппендини. Маршрут был придуман самим Бодянским, который плохо представлял себе скорость и сложности путешествия, но смог наметить основные ориентиры для исследователя-слависта в тогдашней Европе: кроме славянских земель Центральной и Южной Европы, он указал на Балканы и на исторические центры Италии. Эта же «канва», о которой говорит Ягич, определила маршруты И.И. Срезневского, В.И. Григоровича и П.И. Прейса, повторившись позднее в путешествиях учеников Срезневского – В.И. Ламанского и, в первую очередь, В.В. Макушева, к которым мы еще вернемся. И Бодянский, и Срезневский не забывали об итальянских архивах. Бодянский открыл для международной славистики крошечные славянские общины в глуши южноитальянской области Молизе, расположенной в тогдашнем Неаполитанском Королевстве: он перевел в 1858 г. переписку дубровницкого историка М. Пуцича с молизским славянином Дж. Де Рубертисом, который первым описал это этно-лингвистическое меньшинство южнославянского происхождения [40].

Срезневский, в отличие от своего предшественника, сумел лично посетить область Фриули и Венецию. Из Каринтии он в 1841 г. специально отправился в Резьянскую долину и посвятил диалекту и фольклору резьянцев первые научные наблюдения [41. С. 207–224]⁷. Затем он посетил Горицию, Триест, ненадолго заглянул в Венецию вместе с Прейсом, тоже путешествующим по научному плану⁸. Оба ученых побывали в Истрии, городе Фиуме (Риеке) и Далмации, не пропуская ни одного из главных центров «итало-славянской» Адриатики [22. С. 325–326, 335]. Адриатику, включая Триест и Венецию, удостоил специального внимания и Григорович. В Венеции он встречался,

⁵ Такие обвинения могли быть необоснованными: например, в шпионаже подозревали во Фриули Бодуэна де Куртенэ [39. Р. 82–84].

⁶ Можно догадаться, что для генерала Протасова, ставшего в 1836 г. обер-прокурором Святейшего Синода, концепция командировок была далека от чисто научных целей.

⁷ Вслед за Срезневским посетил Резью другой славист, хорватский поэт Станко Враз [34. С. 569–570, 585–586].

⁸ «По плану путешествия, одобренному Востоковым, Прейс должен был посетить после Вены Штирию, Каринтию, Крайну, Хорватию, Славонию, Италию. “Страны, где господствует наречие хорутанское, – указывалось в плане, – должны особенно обратить на себя внимание путешественного”» [37. С. 109].

в частности, с Томмазо: бывшая столица морской республики не теряла своего значения для славянских филологов, историков и патриотов, напротив, интерес к ней постепенно возрастал [42. Р. 749–753]⁹.

Что касается Триеста, то в 1840-е годы этот город, порт и финансовый центр Габсбургской монархии, стал настоящим *Treffpunkt* для путешествующих славистов. В апреле 1841 г. там назначили встречу с Вуком Караджичем Срезневский и Прейс, планировавшие ехать с ним в Далмацию, а также Н.И. Надеждин, который, находясь вместе с Д.М. Княжевичем в Неаполе и Риме, спешил увидеться в Триесте с Караджичем и сообщил последнему, что «желал бы – лететь; да нет не только крыльев, но даже и дилижансов, которые бы могли нас домчать до *Славянской Италии*» (курсив наш. – С.А.) [43. С. 636]. В ожидании Надеждина и Княжевича Прейс со Срезневским посещали Венецию, когда те, наконец, добрались до Триеста. В итоге именно Надеждин и Княжевич отправились в Далмацию с Караджичем, так и не дождавшись своих товарищей [22. С. 335].

Концепция славистических «командировок» постепенно менялась от ознакомительных экспедиций широкого спектра в сторону все более специализированных и ограниченных в пространстве путешествий. Поездки Я. Бодуэна де Куртенэ в Резьянскую долину в 1870–1890-е годы и более поздние исследования М. Решетара, немало времени проводившего в Молизе, отвечали потребности углубленного изучения диалектов и обычаев славянских меньшинств, предполагая также знание итальянского языка и итальянской диалектологии [34. S. 567]. Поколение учеников Срезневского выступало в этом отношении связующим звеном. Показательна командировка 1868–1871 гг. Макушева, почти полностью посвященная итальянским архивам. В инструкции командируемому намечалось два направления: кроме ожидаемых Балкан, также «другая страна, мало исследованная славистами [...], Италия, богатая библиотеками и архивами, в которых уже найдено или, по крайней мере, отмечено много памятников, важных для литературы и еще более для истории славян, и кое-где есть или могут быть найдены остатки славянской народности. Желательно было бы, чтобы г. Макушев посвятил на Италию столько же времени, сколько и на Турцию» (цит. по [38. С. 605–606]).

Фактически Макушев осуществил только итальянскую часть командировки, справедливо ожидая найти там множество ценных исторических материалов [44–46]. Выбор Италии в качестве основного места проведения исследований (в случае Макушева преимущественно исторического, а не филологического характера) стал новацией для славяноведения [38. С. 595–668]¹⁰. Недавно нами был опубликован большой отрывок из письма Макушева Срезневскому от 3 января 1868 г., в котором подробно изложен план путешествия. Уместно процитировать ту часть письма, которая связана с Италией:

⁹ В Венеции с Томмазо встречались и другие представители славянского мира, в том числе черногорский владыка П.П. Негош и русский историк Ф.В. Чижов [42. Р. 749–750]. С середины XIX в. появляются серьезные труды о Далмации, принадлежащие перу южнославянских и итальянских ученых, таких, как С. Любич (автор изданного в 1856 г. на итальянском языке биографического словаря выдающихся далматинцев), М. Пуич, венецианский библиотечарь Дж. Валентинелли, черногорский юрист Б. Богишич и др. [22. С. 617].

¹⁰ Предшественником Макушева в этом отношении можно считать тосканского историка Себастьяно Чампи, совершившего научное путешествие в Италию в 20-е годы XIX в., поддержанное властями Царства Польского. Итогом стало несколько томов издания *Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze [...] colla Russia, colla Polonia...* (1834, 1839, 1842) [13. P. 423]. Работа Чампи большого распространения в среде славистов не получила.

«Я предполагал бы провести зимние месяцы в Италии, преимущественно в *Венеции*, в архивах и библиотеках которой надеюсь найти много неизданных материалов для истории южных славян, особенно же далматинцев и дубровничан. Находясь в Венеции, я обратил бы также внимание на окрестные славянские колонии. И в других итальянских городах надеюсь найти также любопытные для славянской истории материалы, особенно же: в *Генуе*, бывшей с 1378 года главной дубровницкою колониєю на Средиземном море¹¹, во Флоренции, с которою дубровничане вступили в особенно деятельные сношения с половины XV века, — в *Неаполе*, *Мессине*, *Сиракузах* и *Палермо* и вообще в Южной Италии, с которою сносились адриатические славяне уже в IX веке и под покровительством которой находились дубровничане довольно значительное время. Я бы посетил существующий донныне на острове Сицилии город Рагузу, несомненно, дубровницкую колонию¹². Имея в виду преимущественно эти пункты, как особенно любопытные для меня, занимающегося дубровницкою историею, я побывал бы также и в других местностях Италии, представляющих интерес для слависта, каковы: Падуа, Милан, Болонья и Рим» [47. С. 16].

В итоге Макушев работал в Венеции (дважды, в общей сложности 18 месяцев), Неаполе (10 месяцев), Милане, Флоренции и Анконе (по 3 месяца), Болонье (2 месяца). Архивные находки Макушева подтвердили большое значение славянской общины в Анконе в Средние века. Ученый посетил также Турин, Геную, Палермо, Рим, Бари, Верону и Мантую.

Около недели Макушев провел в главном из трех небольших славянских центров области Молизе — Аквавива-Коллеккоче вместе с другим воспитанником российских университетов болгариним М.С. Дриновым, который тоже тщательно изучал в тот период итальянские архивы. Оба слависта побывали у Де Рубертиса, которому ранее удалось наладить контакты с Пуцичем, Бодянским и итальянским лингвистом Асколи. Дринов и Макушев оказались первыми славянскими гостями молизской славянской общины [48]. На рубеже XIX—XX вв. молизских славян слависты стали посещать все чаще: до них добрались Р. Ковачич, Я. Бодуэн де Куртенэ, Й. Смодлака, М. Решетар. В отличие от первых кратких визитов, позднейшие поездки стали продолжительнее, позволив серьезно изучать разные аспекты жизни молизских общин [48. С. 3—11].

Накануне рождения итальянской славистики

Деятельность иностранных славистов в Италии становилась все интенсивнее во второй половине XIX в. в условиях малой активности итальянской научной среды даже после объединения страны. Не имея славистических кафедр и центров, Италия еще долго испытывала серьезный дефицит знаний о языках и истории славян. Интерес к славистике отдельных итальянских ученых и интеллектуалов не мог изменить ситуацию, но способствовал постепенному осознанию важности для политической и культурной жизни Италии ряда вопросов. Существование сложного пограничья на северо-востоке страны, оспариваемого итальянским и славянскими национализмами и по большей части еще подчиненного Вене, неясность этнокультурных и политических перспектив Восточной Адриатики (Истрии, Далмации, Котора) стимулировали связи с южнославянским ареалом, хотя долгое время это не сопровождалось развитием интереса к языкам и культурам «соперников» [49. С. 203].

¹¹ Генуя колонией Дубровника никогда не была, видимо, Макушев имел в виду тесные коммерческие связи двух морских республик.

¹² Связь сицилийской Рагузы с адриатической остается до сих пор спорным вопросом.

Исторические предрассудки играли в этом отношении большую роль как на оспариваемых территориях, так и в политических центрах молодого итальянского государства: признание языков, литератур, истории славян имплицитно означало бы и признание ценности их культуры, ставя под сомнение стереотип превосходства итальянцев над южнославянской средой [39. С. 77–99; 49. Р. 205, 219–220]. Националистический италоцентризм достиг своего пика в первой половине XX в. с возникновением фашизма, но проявления жесткого отношения к меньшинствам можно обнаружить в итальянском обществе уже в конце XIX в., как справедливо отмечал в 1925 г. Бодуэн де Куртэнэ: «Oburzające jest postępowanie Włochów wobec Słowian, Niemców i w ogóle wszelkich „mniejszości narodowych”. Znając szowinistów włoskich, spodziewałem się tego. Nie ustępują oni wcale Madziarom przedwojennym, a nawet ich przewyższają» («Враждебность итальянцев по отношению словенцев, немцев и в целом всех «национальных меньшинств» возмутительна. Зная итальянских шовинистов я этого ожидал. В этом не уступают они в общем предвоенным венграм, а даже превосходят их») (цит. по [50. С. 213]).

С самого начала официальная политика Итальянского Королевства признавала существование вопросов, связанных со славянским миром, но не потребность в специалистах по ним. В роли посредников обычно выступали двуязычные далматинцы. Исключением явился туринец А. де Губернатис, ставший настоящим пионером итальянской славистики. Среди многочисленных «славянских» предприятий де Губернатиса необходимо упомянуть неудачную попытку начала 1870-х годов создать в Италии славистический журнал в сотрудничестве с одним из основателей французской славистики Л. Леже [51]. В объединенную Италию в 1860–1870-е годы приезжали для своих исследований, лишь отчасти касающихся славистики, такие ученые, как А.Н. Веселовский, Ф.И. Буслаев, М.П. Драгоманов. Все они так или иначе связывались с де Губернатисом, немало сделавшим для распространения в Италии информации о них [11].

Условия для становления академической славистики в Италии появились только после Первой мировой войны. Первое поколение итальянских славистов не случайно сформировалось в рамках германистики (Э. Ло Гатто, Э. Гаспарини), часть из них к тому же принадлежала к италоязычной среде Далмации (А. Крония, Дж. Мавер). Контакт с Россией на фронте и после революций 1917 г. тоже сыграл известную роль. Надо сказать, что итальянская славистика тогда формировалась очень быстро, найдя свое место в мировой науке о славянах [13; 52]. Положительно сказались сильная итальянская традиция классической филологии, политическая близость итальянских и польских патриотов в эпоху романтизма, историческое сосуществование венецо-итальянской и славянской культур в Истрии и Далмации, связь Италии с основными религиозными вопросами Европы, в том числе с кирилло-мефодиевским наследием. Накопившиеся в течение XIX в. контакты с зарубежной славистикой создали почву, которая дала богатые плоды [53].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Дринов М.С.* Заселение Балканского полуострова славянами // Чтения в Имп. Общ. истории и древностей российских при Моск. ун-те. М., 1872. Кн. 4.
2. Проблемы итальянистики. Вып. 6: Итальянская идентичность: единство в многообразии. М., 2015.
3. *L'idea dell'unità e della reciprocità slava e il suo ruolo nello sviluppo della slavistica = Идея славянской взаимности и ее роль в развитии истории славистики / A cura di S. Bonazza e G. Brogi Bercoff.* Roma, 1994.
4. *Veda a ideológia v dejinách slavistiky*, ed. T. Ivantyšinová. Bratislava, 1998.

5. Lo sviluppo della slavistica negli imperi europei = Развитие славяноведения в европейских империях / Под ред. С. Алоэ. Milano, 2008.
6. Literature and Social Change: A Voyage through the History of Slavic Studies. Proceedings of the International Symposium / Ed. by L. Matejko. Bratislava, 2017.
7. *Kopitar B.* Die Slaven im Thale Resia // Erneuerte vaterländische Blätter für den österreichischen Kaiserstaat. 9/31. 1816.
8. *Lenček R.* The correspondence between Jan Baudouin de Courtenay (1845–1929) and Vatroslav Oblak (1864–1896). München, 1992.
9. *Дуличенко А.Д.* Академик Измаил Иванович Срезневский и резьянщина (с извлечениями из его путевых заметок по Резье в 1841 году) // Jezikoslovni zapiski. 13 (1–2). 2007.
10. *Потанова З.М.* Русско-итальянские литературные связи, вторая половина XIX в. М., 1973.
11. *Aloe S.* *Angelo De Gubernatis e il mondo slavo. Gli esordi della slavistica italiana nei libri, nelle riviste e nell'epistolario di un pioniere (1865–1913).* Pisa, 2000.
12. *Bernard A.* Les traits caractéristiques de l'Institut d'études slaves à ses débuts // Histoire de la Slavistique. Le rôle des institutions = История славистики. Роль научных учреждений / Sous la direction de A. Bernard. Paris, 2003.
13. *Cronia A.* La conoscenza del mondo slavo in Italia. Padova, 1958.
14. *Голенищев-Кутузов И.Н.* Итальянское Возрождение и славянские литературы XV–XVI вв. М., 1963.
15. *Pelusi S.* Libri e stampatori a Venezia: un ponte verso i Balcani // Ponti e frontiere / Ed.A. Bonifacio. Venezia, 2005.
16. *Caraman M.* Identità della lingua litterale slava. Zara, 1753.
17. *Antonelli N.-M.* Του εν Αγίοις Πατροσ ημων Αθανασίου αρχιεπισκοπου Αλεξανδριασ ημενεια των Ψαλμων η περι επιγραφης Ψαλμων = Sancti Patris Nostri Athanasii archiepiscopi Alexandriae interpretatio psalmorum siue de tituli psalmorum. Roma, 1746.
18. *Broggi Bercoff G.* Quelques observations sur le Duché d'Urbino et le Royaume des Slaves. A propos de la préhistoire de l'idée d'unité slave // *L'idea dell'unità e della reciprocità slava e il suo ruolo nello sviluppo della slavistica* = Идея славянской взаимности и ее роль в развитии истории славистики / A cura di S. Bonazza e G. Broggi Bercoff. Roma, 1994.
19. *Денисевич К.Н.* Книга Мауро Орбини «Regno degli slavi hoggi corrottamente detti schiavoni» и начало италоязычной славистики // Проблемы итальянистики. Вып. 2: Литература и культура. М., 2006.
20. *Бабич В.* Переписка Матея Совича с Альберто Форτισом в 1770–1773 гг. из наследия Цойса в Национальной и Университетской Библиотеке (NUK) // *Slavica litteraria*, X 15/2012. Supplementum 2: Развитие славистики в зеркале эпистолярного наследия и других личных документов = Vývoj slavistiky v zrcadle epistolárního dědictví a jiných osobních dokumentů / Eds. S. Bonazza, I. Pospíšil. Brno, 2012.
21. *Bonazza S.* Gli esordi della filologia slava in Italia // *Europa Orientalis*. 1982. Vol. 1.
22. *Ягич И.В.* История славянской филологии (Энциклопедия славянской филологии; 1). СПб., 1910.
23. *Bonazza S.* Bartholomäus Kopitar, Italien und der Vatikan. München, 1980.
24. *Bonazza S.* Il Mai, il mondo slavo e la Germania // Angelo Mai e la cultura del primo Ottocento. Bergamo, 1985.
25. *Bonazza S.* Jacob Grimm nei suoi rapporti con gli studiosi italiani // *Variis Linguis. Studi offerti a Elio Mosele*. Verona, 2004.
26. *Bonazza S.* Carlo Ottavio Castiglioni und der Glagolita Clozianus // *Bereiche der Slavistik (Festschrift zu Ehren von Josip Hamm)*. Wien, 1975.
27. <Castiglioni C.O.> Glagolita Clozianus, id est codicis glagolitici inter suos facile antiquissimi... // *Biblioteca italiana*. Milano, 1836. T. LXXXII.
28. *Marchiori J.* Emilio Teza, traduttore di poesia popolare serbo-croata. Padova, 1959.
29. *Marchiori J.* Lettere di Franc Miklošič a Emilio Teza // *Memorie dell'Accademia Patavina*. Classe di Scienze. Lettere ed Arti. Vol. LXXIII. 1961.
30. *Cronia A.* Lettere di Graziadio Ascoli a Franz Miklosich (Miklošič) // *Studi in onore di Ettore Lo Gatto e Giovanni Maver*. Firenze, 1962.
31. *Bonazza S.* Franz Miklosichs italienische Beziehungen // *Ars Philologica. Festschrift für Balduar Panzer zum 65. Geburtstag* / Hrsg. von K. Grünberg und W. Potthoff. Frankfurt-a.M., 1999.
32. *Bonazza S.* Austro-Slavism as the motive of Kopitar's work // *Slovene studies*. V. 1983.
33. *Tamborra A.* Jernej Kopitar a Roma (1842–1843) e la politica slava di Gregorio XVI // *East European Quarterly*. 3 (1974).

34. *Duličenko A.D.* У истоков резьянологии // *Kopitarjev zborniki / Ur.J. Toporišič.* Ljubljana, 1996.
35. *Штейн Вл.* Бобровский, Михаил Кириллович // *Русский биографический словарь.* СПб., 1908. Т. 3.
36. *Rode M.* Mihail Babrovski in Slovenci // *Jezik in slovstvo.* 1987/1988. № 1/2.
37. *Чуркина И.В.* Россия и славяне в идеологии словенских национальных деятелей XVI в.—1914 г. М., 2017.
38. *Лантева Л.П.* История славяноведения в России в XIX в. М., 2005.
39. *Spinozzi Monai L.* Dal Friuli alla Russia: mezzo secolo di storia e di cultura in margine all'epistolario (1875–1928) Jan Baudouin de Courtenay. Udine, 1994.
40. *Де Рубертис И.* Славянские поселения в Неаполитанском королевстве. Письма тамошнего учителя Иована де Рубертис (перевод и предисловие О.М. Бодянского) // *Чтения при Имп. Общ. истории и древностей российских при Моск. ун-те.* М., 1858. Кн. I.
41. *Срезневский И.И.* Фриульские славяне // *Москвитянин.* (1844). Т. 5/9.
42. *Aloe S. Tommaseo e la Russia // Niccolò Tommaseo: Popolo e nazioni. Italiani, corsi, greci, illirici / A cura di F. Bruni.* Roma; Padova, 2004. Vol. II.
43. *Караџић В.С.* Преписка. Т. 6 (1837–1842) // *Сабр. дела Вука Караџића.* 25. Београд, 1993.
44. *Макушев В.В.* Итальянские архивы и хранящиеся в них материалы для славянской истории. СПб., 1870. Т. 3.
45. *Макушев В.В.* О славянах Молизского графства в Южной Италии // *Зап. Имп. АН.* 1871. Т. 18. Кн. 1.
46. *Макушев В.В.* Исторические памятники южных славян и соседних им народов, извлеченные из итальянских архивов и библиотек. Варшава, 1874.
47. *Алоэ С.* Джованни Де Рубертис и другие итальянские корреспонденты В.В. Макушева // *Slavica litteraria.* X 15/2012. Supplementum 2: Развитие славистики в зеркале эпистолярного наследия и других личных документов = Vývoj slavistiky v zrcadle epistolárního dědictví a jiných osobních dokumentů / Eds. S. Bonazza, I. Pospíšil. Brno, 2012.
48. *Алоэ С.* Джованни Де Рубертис в истории славяноведения // *Slāvu lasījumi XI = Славянские чтения XI / Galv. red. A. Stankevič.* Daugavpils, 2016.
49. *Rešetar M.* Le colonie serbocroate nell'Italia meridionale. A cura di W. Breu e M. Gardenghi (впервые: *Die Serbokroatischen Kolonien Südtaliens.* Wien, 1911). Campobasso, 1997.
50. *Ivetic E.* Un confine nel Mediterraneo. L'Adriatico orientale tra Italia e Slavia (1300–1900). Roma, 2014.
51. *Bešta T.* Listy J. Baudouina de Courtenay do A. Černego. Wrocław, 1972.
52. *Aloe S.* Angelo De Gubernatis et Louis Leger: une collaboration aux sources de la slavistique italienne et française // *Revue des études slaves.* 2000. Vol. LXXII/1.
53. *Маццителли Г.* Очерки итальянской славистики: книги, архивы, судьбы. М., 2018.